

Некоторые итоги 2025 года для бизнеса Кыргызстана

Настоящая аналитическая записка подготовлена Международным деловым советом (далее – МДС) в декабре 2025 года. В рамках подготовки документа использованы официальные статистические данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики по валовому внутреннему продукту за период январь – ноябрь 2025 года, а также сведения о прямых иностранных инвестициях, сформированные на основе доступных открытых источников, включая данные международных финансовых организаций и публичные аналитические обзоры. Кроме того, в ходе подготовки записки МДС были направлены официальные запросы в Администрацию Президента Кыргызской Республики, а также использованы обобщенные данные и информация, предоставленные Министерством внутренних дел Кыргызской Республики, Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики и Верховным Судом Кыргызской Республики. Приведенные оценки и выводы и направлены на анализ ключевых институциональных факторов, влияющих на инвестиционный климат и условия ведения предпринимательской деятельности в Кыргызской Республике.

2025 год стал для Кыргызской Республики годом высоких темпов экономического роста, активной реализации инфраструктурных проектов и расширения роли государства в экономике.

По предварительным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, **ВВП за период январь - ноябрь 2025 года составил 1 628,6 млрд сомов, увеличившись на 10,2%** по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Данная динамика позволяет отнести Кыргызстан к числу стран с наиболее высокими темпами экономического роста в Центральной Азии.

Вместе с тем, сохраняющиеся **институциональные ограничения** – прежде всего уголовное преследование предпринимателей, усиление фискального давления, неопределенность защиты прав собственности и элементы государственной монополизации формируют системные риски для частных инвестиций и долгосрочной устойчивости экономического роста.

Международный валютный фонд (IMF), Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) в своих страновых обзорах и миссиях неоднократно отмечают, что **без укрепления верховенства права, защиты прав собственности и предсказуемости регулирования** высокий экономический рост не трансформируется в устойчивый приток частных и прямых иностранных инвестиций.¹

¹ МВФ «Кыргызская Республика: основные экономические показатели» - <https://www.imf.org/en/news/articles/2025/06/04/pr25176-kyrgyz-republic-imf-executive-board-concludes-2025-article-iv-consultation?utm>

В 2025 году именно эти институциональные факторы остаются ключевыми ограничениями инвестиционного развития Кыргызской Республики.

1. Рост показателей макроэкономической динамики, но уязвимая структура

Рост экономики в 2025 году обеспечивался преимущественно государственными инвестициями, инфраструктурными проектами в строительстве, энергетике и транспорте, а также расширением сферы услуг и внутреннего спроса.

По оценкам Международного валютного фонда (IMF) и Всемирного банка, экономический рост Кыргызстана в 2024-2025 годах носит в значительной степени **государственно-инвестиционный характер**, что повышает краткосрочную устойчивость экономики, но одновременно усиливает ее зависимость от роли государства и качества правоприменения.²

На фоне высокого роста ВВП инвестиционная активность демонстрирует **неоднородную динамику**:

- объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за январь-сентябрь 2025 года составил около **885 млн долларов США**, увеличившись на **18,5%** по сравнению с аналогичным периодом 2024 года;

- в первом квартале 2025 года приток ПИИ вырос на **44%** по сравнению с I кварталом 2024 года;

- общий объем иностранных инвестиций за январь-август 2025 года увеличился на **20,1%**.

Несмотря на положительную динамику, **абсолютные объемы ПИИ остаются умеренными и не сопоставимыми с лидерами региона** и в соотношении составляет порядка 4-5% к ВВП, что существенно ниже инвестиционных ориентиров, заложенных в Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2030 года.

По данным Всемирного банка, чистые притоки прямых иностранных инвестиций в Кыргызскую Республику в 2024 году составили примерно 705 млн долларов США, что существенно ниже абсолютных объемов, зафиксированных в основных экономиках региона, таких как Узбекистан (около 2,8 млрд долларов США) и Казахстан (несколько миллиардов долларов США в последние годы). Эти различия в абсолютных объемах ПИИ отражают существующие институциональные и структурные ограничения для привлечения капиталоемких иностранных инвестиций.³

Таким образом, макроэкономический рост 2025 года **не в полной мере трансформируется в устойчивый приток частных инвестиций**, что логически подводит к анализу факторов инвестиционного риска.

² Экономический меморандум по Кыргызской Республике - <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kyrgyzrepublic/publication/cem-2025>

³ Прямые иностранные инвестиции, чистый приток - <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=KZ&utm>

2. Уголовное преследование предпринимателей как фактор инвестиционной неопределенности

Одним из таких факторов остается практика уголовного преследования предпринимателей.

По официальным данным Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, в **2025** году в производстве находилось **1043** уголовных дела, связанных с предпринимательской деятельностью, при этом **192** дела **были приостановлены** и **231** дело **прекращено** без доведения до судебного приговора.

Также данные Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики за 2021-2025 годы **подтверждают** эту тенденцию. Так, в 2021-2022 годах ежегодно **79-110** уголовных дел **приостанавливались**, а **87-110** дел **прекращались**, при том, что в суд направлялось порядка **140-150** дел. В 2023 году при 126 делах, направленных в суд, 83 дел были прекращены и 87 приостановлены. В 2024 году при снижении общего количества дел 29 дел были прекращены и 50 приостановлены, при 60 делах, направленных в суд. В 2025 году (за отчетный период) вновь зафиксирован рост прекращенных производств – свыше 100 уголовных дел прекращено, при том, что около 70 дел направлены в суд.

Несмотря на различия в методологии учета, статистика обоих органов показывает **устойчиво высокую долю уголовных дел, не завершающихся судебным решением**, которые указывают на системную проблему низкой результативности уголовного преследования предпринимателей и риск использования уголовно-правовых механизмов как инструмента давления на бизнес, а не исключительно как меры борьбы с тяжкими правонарушениями.

Ключевой проблемой является не доля дел, доходящих до суда, а высокая доля дел, которые длительное время не имеют процессуального завершения либо прекращаются без прозрачных критериев и без механизмов компенсации ущерба.

При этом МДС исходит из того, что низкая доля дел, не завершающихся судебным решением, сама по себе не может рассматриваться как негативный показатель, если такие дела завершаются законными и предсказуемыми процессуальными способами, включая досудебные соглашения, прекращение по реабилитирующим основаниям либо разрешение споров в административном или гражданско-правовом порядке. Проблема заключается не в отсутствии обвинительных приговоров как таковых, а в высокой доле дел, которые возбуждаются без достаточной доказательной базы, длительное время остаются в подвешенном состоянии либо прекращаются без прозрачных критериев и механизмов компенсации причиненного предпринимателям ущерба. Повышение результативности уголовного преследования должно выражаться прежде всего в улучшении качества фильтрации дел на стадии возбуждения и развитии законных альтернатив уголовному преследованию, а не в формальном росте числа дел, доводимых до суда или обвинительных приговоров.

Вместе с тем, в ходе подготовки настоящей аналитической записки МДС не удалось получить официальные и обобщенные данные о размере возмещенного ущерба предпринимателям в случаях незаконного уголовного преследования, необоснованного задержания, приостановления деятельности либо прекращения уголовных дел без вынесения обвинительного приговора суда. Отсутствие такой информации не позволяет оценить фактический масштаб экономических, финансовых и репутационных потерь бизнеса, а также степень ответственности государства за причиненный предпринимателям ущерб, что дополнительно усиливает ощущение правовой асимметрии и инвестиционной неопределенности.

Именно на фоне вышеотмеченной правоприменительной практики в 2025 году был разработан проект Закона Кыргызской Республики, предусматривающий расширение механизмов возврата имущества и имущественного воздействия в рамках уголовного процесса. По оценке МДС, данный законопроект не устраняет выявленные системные дефекты, а напротив, институционализирует уже сложившуюся практику уголовного давления на бизнес, создавая правовые основания для применения имущественных ограничений и изъятий при отсутствии обвинительного приговора суда. В условиях, когда статистика демонстрирует высокую долю прекращенных и приостановленных дел, расширение таких полномочий объективно повышает риски злоупотреблений, подрывает принцип презумпции невиновности и усиливает неопределенность защиты прав собственности, что напрямую ухудшает инвестиционный климат и усиливает недоверие бизнеса к институтам государства.

Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития в своих аналитических материалах и страновых обзорах последовательно отмечают, что высокий уровень правовой неопределенности, избирательность правоприменения и использование уголовно-правовых механизмов в экономических спорах являются одними из наиболее негативных факторов инвестиционного климата.⁴

Практика уголовного преследования предпринимателей тесно связана с фискальной политикой, что логически подводит к анализу налогового администрирования.

3. Фискальная нагрузка: доначисления, задолженность и санкции

По официальным данным Государственной налоговой службы за период **2020-8 месяцев 2025 года** наблюдается существенный рост фискальной нагрузки на бизнес:

- **Сумма доначисленных налоговых платежей** увеличилась с **10,9 млрд сомов в 2020 году до 29,3 млрд сомов в 2024 году** и составила **свыше 21 млрд сомов уже за 8 месяцев 2025 года**.

⁴Страновой доклад о климате и развитии КР -

<https://documents1.worldbank.org/curated/en/099110325151085270/pdf/P501004-b043fd64-8dbb-4349-83b0-f276e381a206.pdf>

- **Налоговая задолженность** (динамика налоговой задолженности с учетом недоимки, пеней и санкций) выросла с **6,47 млрд сомов в 2020 году до 89,19 млрд сомов** по состоянию на 8 месяцев 2025 года.

- Сумма **начисленных пеней увеличилась** с 2,49 млрд сомов в 2020 году до 25,30 млрд сомов в 2024 году и 33,84 млрд сомов за 8 месяцев 2025 года (рост более чем **в 13 раз**), а сумма **штрафных санкций выросла** с 0,46 млрд сомов до 5,91 млрд сомов в 2024 году и 9,10 млрд сомов за 8 месяцев 2025 года (рост **в 20 раз**).

Эти показатели указывают на **значительное ужесточение налогового администрирования**, рост рисков доначислений, пеней и штрафов, а также увеличение объема конфликтных налоговых отношений между бизнесом и государством. МДС подчеркивает, что при отсутствии достаточной **предсказуемости правоприменения** и устойчивой налоговой политики столь резкий рост налоговой задолженности и санкций может усиливать недоверие предпринимателей и стимулировать уход части операций в тень.

Вместе с тем, **столь быстрый рост санкций при отсутствии сопоставимого расширения налоговой базы свидетельствует об усилении фискального давления**, а не о повышении добровольного налогового комплаенса.

В условиях слабых институциональных гарантий это усиливает риск трансформации налоговых споров в уголовное преследование предпринимателей, формируя единый контур фискально-уголовных рисков.

4. Защита частной собственности как системное следствие институциональной практики

Проблематика защиты частной собственности и предсказуемости правоприменения остается одной из ключевых для бизнеса и инвесторов. Практика уголовного и фискального давления в отношении предпринимателей напрямую отражается на восприятии уровня защищенности прав собственности и стабильности институциональной среды.

В 2020-2025 годах в рамках уголовных производств, фискальных проверок и пересмотра ранее принятых решений государству были возвращены имущественные активы и финансовые средства значительного объема. **По официальным оценкам, в результате антикоррупционных мер государству было возвращено активов на сумму более 168 млрд сомов (с учетом более ранних периодов и операций)⁵.**

Возврат активов осуществлялся как в добровольном порядке, так и по итогам уголовного преследования, доначислений налогов и пересмотра правовой квалификации ранее совершенных сделок.

Как было отмечено выше, фиксируется устойчиво высокая статистика уголовных дел в отношении предпринимателей и руководителей компаний, прежде всего по экономическим и налоговым составам. Существенное

⁵ <https://economist.kg/vlast/2024/12/17/s-oktiabria-2020-ghoda-v-biudzhiet-vozmieshchieno-168-mlrd-somov-po-ugholovnym-dielam-tashiiev/>

количество таких дел сопровождается изъятием активов, блокировкой счетов, доначислением налоговых обязательств, пеней и штрафных санкций, что в совокупности с ростом фискальных претензий усиливает восприятие правовых и регуляторных рисков для бизнеса.

На фоне сохраняющихся кейсов передачи имущества в государственную собственность предприниматели продолжают выражать обеспокоенность рисками признания сделок недействительными задним числом, возможной потерей активов при изменении правовой квалификации ранее совершенных действий, а также отсутствием четких, универсальных и предсказуемых механизмов защиты добросовестных приобретателей и получения компенсации.

Кроме того, сообщается о распространенных случаях принуждения субъектов предпринимательской деятельности к приобретению имущества, ранее переданного в государственную собственность. Подобные практики, по оценке бизнеса, дополнительно усиливают правовую неопределенность, формируют асимметричные риски для частного сектора и подрывают доверие к экономическим правам и свободам.

Международные финансовые организации последовательно подчеркивают, что отсутствие устойчивых и предсказуемых институтов защиты прав собственности усиливает регуляторную неопределенность, повышает инвестиционные риски и снижает горизонт планирования. Именно совокупность этих факторов находит отражение в международных рейтингах и индикаторах качества институтов, включая оценки верховенства права, защиты прав собственности и предсказуемости государственного регулирования, и оказывает сдерживающее влияние на приток инвестиций и реинвестирование прибыли действующими инвесторами.

5. Усиление роли государства и конкуренция

Тенденция к расширению государственного участия в экономике Кыргызской Республики и применению нерыночных механизмов регулирования начала формироваться в **2021** году, что подтверждается принятием и продвижением ряда нормативных правовых актов.

В 2021-2025 годах введены элементы государственной монополизации эксклюзивных полномочий в 9 сферах, посредством принятия следующих нормативных правовых актов:

1. Рекультивационные счета недропользователей

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 17 августа 2021 года № 139 «О внесении изменений в постановление Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Положения о рекультивации земель, нарушенных в процессе пользования недрами» от 18 августа 2017 года № 517», предусматривающее усиление государственного регулирования в части рекультивации земель, а также порядок формирования и использования рекультивационных счетов недропользователей.

2. Оборот этилового спирта

Указ Президента Кыргызской Республики от 8 июля 2022 года № 222 «О неотложных мерах по введению стопроцентной государственной монополии на производство, хранение и реализацию этилового спирта», устанавливающий стопроцентную государственную монополию на производство, хранение и реализацию этилового спирта.

3. Операции и транспортировка драгоценных металлов

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 15 июля 2022 года № 384 «О внесении изменений в постановление Правительства Кыргызской Республики «О некоторых вопросах ведения операций с сырьевыми товарами, содержащими драгоценные металлы» от 14 сентября 2017 года № 570», предусматривающее усиление государственного регулирования и ограничение участия частных субъектов в операциях и транспортировке сырьевых товаров, содержащих драгоценные металлы.

4. Оборот лекарственных средств и медицинских изделий

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 15 ноября 2023 года № 601, закрепляющее централизованные поставки лекарственных средств и медицинских изделий через государственное предприятие «Кыргызфармация».

5. Страхование

Указ Президента Кыргызской Республики от 20 марта 2024 года № УП-79 «О мерах по развитию страхового рынка Кыргызской Республики», предусматривающий обязательное страхование имущества государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных предприятий, а также хозяйственных обществ с государственной долей участия (50 процентов и более) исключительно в ОАО «Государственная Страховая Организация», с последующим расширением перечня обязательных случаев страхования, а также определения ГСО национальным оператором по перестрахованию, в том числе экспортных рисков в рамках взаимодействия с Евразийской перестраховочной компанией.

6. Подготовка медицинских кадров

Указ Президента Кыргызской Республики от 28 августа 2025 года № 250, закрепляющий исключительное право на обучение, переподготовку и повышение квалификации врачей, фармацевтов и научных кадров за Кыргызской государственной медицинской академией имени И. К. Ахунбаева, что фактически исключает участие частного сектора в данной сфере.

7. Международный интернет-трафик

Указ Президента Кыргызской Республики от 28 июля 2025 года № УП-218 «О неотложных мерах по организации эффективного управления государственными компаниями и развитию цифровой и телекоммуникационной инфраструктуры Кыргызской Республики», предоставляющий ОсОО «Элкат» статус эксклюзивного поставщика международного интернет-трафика Кыргызской Республики.

8. Поставки горюче-смазочных материалов для государственных предприятий

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 1 июля 2025 года № 384, определяющее ОсОО «Кыргызская нефтяная компания» основным поставщиком горюче-смазочных материалов и иных нефтепродуктов для государственных предприятий и хозяйственных обществ с преобладающим государственным участием.

9. Автошколы (подготовка и переподготовка водителей транспортных средств)

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 15 октября 2025 года № 667, вводящее временный мораторий на лицензирование деятельности по подготовке и переподготовке водителей транспортных средств с 20 октября 2025 года по 31 декабря 2027 года, при этом действие моратория не распространяется на государственные образовательные учреждения, что формирует привилегированные условия для государственной организации в данной сфере.

По оценкам ОЭСР, расширение государственного участия без соблюдения принципа конкурентной нейтральности снижает инвестиционную привлекательность рынков, ограничивает конкуренцию и вытесняет частный сектор, усиливая негативный эффект правовой и регуляторной неопределенности.⁶

В совокупности решения, принятые в **2021 – 2025 годах**, формируют устойчивую тенденцию к усилению роли государства и государственных компаний на отдельных рынках, что требует взвешенной оценки с точки зрения соблюдения принципа равенства форм собственности, развития добросовестной конкуренции, а также долгосрочной устойчивости и предсказуемости условий для частных инвестиций в соответствующие отрасли.

6. Регуляторная неопределенность и ответственность органов государственного управления

Одним из ключевых факторов неопределенности для бизнеса в 2025 году стала **нестабильность и частая изменяемость правил ведения предпринимательской деятельности**, включая налоговое, регуляторное и административное регулирование. Компании отмечают, что **изменения нормативных требований нередко вводятся в сжатые сроки, без достаточных переходных периодов**, что существенно осложняет адаптацию бизнес-процессов, финансовое и инвестиционное планирование.

6

Отчет ОЭСР «Конкурентный нейтралитет и государственные предприятия: вызовы и варианты политики» – https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2011/05/competitive-neutrality-and-state-owned-enterprises_g17a1fbc/5kg9xfjgdhg6-en.pdf?utm_

Дополнительным источником регуляторных рисков остаются факты принятия нормативных правовых актов **без полноценного общественного обсуждения и согласования с бизнес-сообществом**, несмотря на прямые требования статьи 22 Закона Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах» и статьи 8 Закона Кыргызской Республики «О защите прав предпринимателей», закрепляющие право бизнеса на участие в нормотворчестве.

На практике предприниматели и бизнес-ассоциации фиксируют случаи, когда проекты НПА, затрагивающие условия осуществления предпринимательской деятельности, **разрабатываются и принимаются без учета анализа регулятивного воздействия (АРВ) либо при формальном характере таких процедур.**

Сокращение сроков общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов **с 30 до 15 дней, а в отдельных случаях до 10 дней, объективно ограничивает возможность бизнеса провести качественный анализ последствий предлагаемых изменений**, подготовить консолидированную позицию и предложить альтернативные, менее обременительные механизмы регулирования. В результате принятые нормы нередко требуют последующих корректировок, что усиливает ощущение нестабильности и непредсказуемости регуляторной среды.

Как показывает практика 2020-2025 годов, **накопление нормативных изменений без системной ревизии ранее принятых актов формирует избыточную регуляторную нагрузку**, дублирование требований и рост административных издержек для компаний.

Отдельной системной проблемой остается отсутствие действенных механизмов персональной ответственности руководителей государственных органов за качество и последствия иницируемых ими нормативных правовых актов.

При этом статья 17 Конституционного закона Кыргызской Республики «О Кабинете Министров Кыргызской Республики» прямо устанавливает персональную ответственность членов Кабинета Министров и руководителей государственных органов за обоснованность, законность и последствия принимаемых ими решений, включая нормативные правовые акты.

На практике указанная норма носит преимущественно декларативный характер и не сопровождается эффективными механизмами оценки регуляторных последствий и привлечения к ответственности за принятие решений, ухудшающих условия ведения бизнеса и конкурентную среду. В результате негативные экономические эффекты, включая рост административной нагрузки, правовую неопределенность и снижение инвестиционной активности, как правило, не трансформируются в персональные управленческие или дисциплинарные последствия для инициаторов таких регуляторных решений.

Отсутствие реального института персональной ответственности в сфере нормотворчества усиливает склонность к принятию несогласованных НПА,

снижает качество регуляторной политики и подрывает доверие бизнеса к государственным институтам. В условиях высокой изменчивости регулирования именно данный фактор усиливает ощущение непредсказуемости «правил игры» и сдерживает долгосрочные инвестиционные решения частного сектора.

7. Международные оценки институциональной среды

Последовательность институциональных проблем находит отражение в международных рейтингах:

- Индекс восприятия коррупции (**Corruption Perceptions Index, CPI 2024**), разрабатываемый организацией Transparency International, является одним из ключевых международных показателей оценки уровня коррупции в государственном секторе. Индекс отражает восприятие коррупционных рисков со стороны бизнеса, инвесторов и экспертного сообщества и широко используется при анализе инвестиционного климата и качества институтов.

По итогам **2024** года Кыргызская Республика получила **25 баллов из 100** и заняла **146-е место из 180 стран**⁷, что свидетельствует о высоком уровне воспринимаемых коррупционных рисков. Данные показатели указывают на ограниченную эффективность антикоррупционных механизмов, недостаточную прозрачность государственного управления и повышенные риски для предпринимательской деятельности, включая регуляторную неопределенность и рост транзакционных издержек.

- Индикаторы качества государственного управления **Worldwide Governance Indicators (WGI)** Всемирного банка, в частности **Rule of Law** и **Control of Corruption**, отражают уровень доверия к судебной системе, защиту прав собственности и предсказуемость правоприменения. По данным за 2024 год позиции Кыргызской Республики остаются ниже среднемировых значений: по показателю Rule of Law страна получила 41 балл из 100, по показателю Control of Corruption - **25 баллов из 100**⁸, что указывает на сохраняющиеся институциональные и коррупционные риски для бизнеса и инвестиций.

- Согласно **Индексу экономической свободы** за **2025** год, разрабатываемые Heritage Foundation и Fraser Institute, Кыргызская Республика занимает **115-е место из 176 стран**⁹, что свидетельствует о **низком уровне экономической свободы и наличии устойчивых институциональных барьеров для бизнеса и инвестиций.**

Индекс рассчитывается как среднее значение десяти ключевых показателей, охватывающих **защиту прав собственности, уровень коррупции, налоговую и регуляторную нагрузку, участие государства в экономике, свободу предпринимательства и труда, монетарную**

⁷ Индекс восприятия коррупции – <https://www.transparency.org/en/countries/kyrgyzstan?utm>

⁸ Индикаторы качества государственного управления - <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access>

⁹ Индекс экономической свободы – <https://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom>

стабильность, открытость торговли, условия для инвестиций и развитие финансового сектора.

Низкие оценки по ряду указанных параметров, прежде всего в части прав собственности, судебной системы и инвестиционной свободы, формируют **повышенные институциональные риски и сдерживают приток долгосрочных инвестиций.**

В совокупности эти оценки формируют восприятие страны как юрисдикции с повышенными правовыми и регуляторными рисками, **независимо от текущих темпов роста ВВП.**

Таким образом, опыт 2025 года свидетельствует о том, что при сохраняющихся высоких темпах экономического роста ключевым ограничением для развития бизнеса остается качество институциональной среды, прежде всего практика уголовного преследования предпринимателей, усиление фискального давления, неопределенность защиты прав собственности и условия конкуренции, а также тенденция к сужению пространства для частного сектора в отдельных отраслях экономики вследствие усиления роли государства и элементов государственной монополизации.

Несмотря на устойчивый рост ВВП, развитие инфраструктуры и цифровизацию государственных и надзорных систем, **сохраняющиеся институциональные риски ограничивают трансформацию макроэкономической динамики в устойчивый рост частных и иностранных инвестиций.**

МДС выражает уверенность, что **2026 год может открыть новые возможности для экономического роста, улучшения условий ведения бизнеса и привлечения инвестиций,** при условии укрепления верховенства права, повышения предсказуемости регулирования, снижения конфликтности фискального администрирования, ограничения использования уголовно-правовых механизмов в экономических спорах и восстановления конкурентной нейтральности.

В этих условиях **обеспечение защиты прав собственности, развитие добросовестной конкуренции и минимизация необоснованных вмешательств в предпринимательскую деятельность** остаются ключевыми факторами устойчивого экономического роста Кыргызской Республики.

МДС намерен и далее содействовать конструктивному диалогу между государством и бизнесом, анализировать влияние правоприменительной практики и нормативных изменений и предлагать взвешенные решения, направленные на улучшение делового климата и инвестиционной привлекательности страны.